

Мамонт в искусстве народов Сибири¹

С. В. Иванов

Изображения мамонта относятся, как известно, к числу древнейших сюжетов первобытного искусства. Первый гравированный на кости рисунок мамонта найден был в 1864 г. Эдуардом Лартэ в пещере ла Мадлен, во Франции (департамент Дордонь). С тех пор в разное время, как в Западной Европе, так и на территории Советского Союза, открыт был ряд других, гравированных, живописных и скульптурных изображений мамонта, обогативших историю искусства палеолита серией интереснейших памятников реалистического искусства. В конце мадленского времени, с исчезновением самого мамонта, исчезают и его изображения.

Однако в сознании людей образ мамонта удерживался, повидимому, в течение долгого времени и, облекаясь в фантастические формы, находил свое выражение в народных легендах, в представлениях о разного рода сказочных животных, часто ничего общего не имевших с тем мамонтом, современником которого был человек палеолитической эпохи.

Значительную роль при этом играли находки костей вымерших животных, в первую очередь костей и бивней мамонта, поражавших людей своими необычайными размерами. Эти находки порождали представления о птицах-великанах и о животных-гигантах, наделенных одним или двумя рогами, за которые обычно принимались бивни мамонта.

Особенно богаты рассказами о чудесных рогатых животных литература средневековья, где они фигурируют под именем „единорогов“ и „инрогов“, и славянские стихи, в которых описывается огромный зверь под названием „индрик“ или „инрог“. Индрик считается матерью всех зверей и имеет голову и хвост коня, а тело рыбы. Он живет где-то далеко, за морем, глубоко под землей. В различных книгах — средневековых „бестиариях“, „физиологах“, „азбуковниках“, „голубиной книге“ и других — индрик и ему подобные фантастические животные рассматриваются как существующие в действительности.

¹ Доложено на научном заседании Института этнографии АН СССР в Ленинграде 8 февраля 1946 г. Наиболее интересные дополнения к докладу, печатаются ниже, в виде приложений к настоящей статье.

В „голубиной книге“ образ индрика рисуется, например, в следующем виде:

Живет зверь за Оксаном морем,
И рогом проходит зверь по подземелью,
Аки ясное солнце по поднебесью,
Он происходит все горы белокаменные,
Прочищает все ручьи и проточины,
Пропускает реки, кладязи студеные.
Когда зверь рогом поворотится,
Словно облацы по поднебесью.
Все мать-земля под ним всколыбается...
Все зверья земные к нему прикланяются,
Никому победы он не делает.¹

На Севере европейской части СССР и, особенно, в Сибири, где найдено много остатков мамонта, русские крестьяне также думали прежде, что мамонт — животное реальное, живущее глубоко под землей, не любящее солнечного света и имеющее вид быка или лося. Иногда приводили даже размеры этого животного: „высотю трех аршин, длиною пяти аршин“, или „в 5—6 раз больше лося“.

Григорий Новицкий, составивший в начале XVIII ст. первое этнографическое описание хантов (остяков), также почти не сомневался в существовании мамонта. На основании опросных сведений, полученных им от русского населения, он говорит, что о мамонте „... различно разумеють: глаголют же нецыи зверя сего быти земна, иже влагою земною живеть и в пещерах земных обретается; наипаче в влажных; сухого бо и зрачного воздуха блюдется зело, и глаголють, яко егда кним случаем пещера его опадеть, и изыйдет на воздух, в влажную же скоро не обратится пещеру, тогда воздухом скоро убивается и погибает и тако оставляет кости“. Относительно „рог“ добавляет: „роги оные крестообразно сложени на себе носяща“.²

Сходные представления о мамонте сложились и у финских народов. Так, например, в XVII столетии эсты рассказывали, что „мамонт живет и ходит под землею, прочищает русла ручьев и подземных рек“.³

У народов Сибири, главным образом тех, которые населяют ее Север, представления о мамонте, основанные на находках остатков этого животного, прежде были широко распространены, но здесь, в отличие от европейских, они имели ясно выраженную религиозную окраску и вплетены

¹ В. Ф. Миллер. О лютом звере народных песен. Древности. Тр. Моск. археол. общ., т. VII, в. I, М., 1877, стр. 3.

² Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяком 1715 г. СПб., 1834, стр. 15—16. См. также: П. А. Городцов. Мамонт. Западно-сибирское сказание. Ежегодн. Тобольск. муз. 1903 г., в. XVIII, Тобольск, 1910, стр. 1—4. — Г. Н. Потанин, Восточные мотивы в средневековом эпосе. М., 1899, стр. 525.

³ П. К. Симони. Заметки Ричарда Джемса о чудь, лопарях, самоедах и черемисах. Из рукописи 1618—1620 гг. Сб. Ленингр. общ. изуч. финно-угорск. нар., I, Л., 1929, стр. 129. Там же дается ссылка на работу: Anonymorum. Aller neusten Staat von Casan, Astracan, Georgien und Sibirien, изданную в 1720—1723 гг., где в гл. 6-й приводятся данные о мамонте, записанные пленными шведами со слов сибиряков.

были в идеи шаманистов о подземных зооморфных духах, находящихся в распоряжении шаманов. Существование таких представлений, восходящих, повидимому, к глубокой древности, само по себе интересно. Не менее интересно, что у народов Севера еще совсем недавно делались изображения этих вымерших животных, весьма, впрочем, далекие от хорошо известных скульптур и рисунков палеолитической эпохи. Быть может, это несходство и было одной из причин недостаточного внимания к ним со стороны исследователей. Надо отметить, что изображения мамонтов не сразу отыскиваются среди множества других шаманских фигурок, изображающих разнообразных представителей сибирской фауны. Лишь путем детального изучения изображений и сопоставления отдельных их признаков с данными, содержащимися в рассказах народов Сибири о мамонтах и их внешнем виде, представляется возможным выделить интересную серию мамонтов среди произведений мелкой шаманской скульптуры, изображающей фантастических животных. Чрезвычайно важное значение при этом приобретают местные термины, устраняющие всякие сомнения в принадлежности изображений к категории мамонтов. К сожалению, термины приводятся далеко не всеми собирателями.

Рассказы о мамонте записаны у народов как западной, так и восточной Сибири. Они не чужды также маньчжурам и китайцам, хотя у последних образ этого зверя принимает несколько иные черты. Из рассказов видно, что животное имеет очень крупные размеры, боится солнечного света и живет под землей, где прокладывает себе дорогу с помощью огромных рогов. Некоторые эвенки, селькупы, ханты и манси думали, что мамонт относится к числу подводных животных, другие представляли его себе в виде исполинской птицы.¹ Вопрос о реальности такого мамонта и о его существовании в настоящее время или в недавнем прошлом не вызывал никаких сомнений у народов Севера. Опираясь на ряд своих наблюдений над природой, они полагали, что ежегодно появляющиеся в результате половодья разрушения берегов, обвалы, внезапный треск льда на реке являются результатом подземных или подводных передвижений мамонтов. Наталкиваясь на новую пещеру, люди видели в ней жилище этого животного. Находка свежих и неповрежденных бивней убеждала их в том, что животные, которым эти бивни принадлежали, существуют еще и в настоящее время, а так как никто не встречал мамонта на поверхности земли, то думали, что его постоянное местопребывание находится под землей. Основываясь на этом, русские крестьяне западной Сибири высказывали даже предположение о характере пищи мамонта. Будучи животным подземным, он не мог быть причислен ими ни к травоядным, ни к хищным; по их мнению, мамонт питался каким то составом, имеющим вид камня.² У юраков мамонт известен под именем «кипаха».³ Другие ненецкие

¹ А. Норденшельд. Путешествие вокруг Европы и Азии [на пароходе „Вега“ в 1878—83 гг. СПб., 1881, стр. 396.

² П. А. Городков. Мамонт..., стр. 1—4.

³ К. М. Рычков. Береговой род юраков. Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО, т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 183.

названия его «janhorei» (Старцев), «еггора» (Финш и Брэм) являются не совсем точно записанным словом «jaп hoга» («от ja» — 'земля' и «hoга» — 'самец'), что значит „земляной бык“.¹ Питался он, по рассказам ненцев, растениями или землей и очень быстро бегал. Жил этот зверь прежде на земле, а потом якобы ушел в землю. Некоторые ненцы уверяли даже, что слышали иногда его рев, доносившийся из-под земли. Там, где он ступал, образовались реки и озера, где рыл землю — поднялись сопки и горы, появились овраги. Перед этим сильным и крупным зверем ненцы испытывали некоторый страх и считали его священным животным.²

Жители Васюганья представляли себе мамонта страшным подземным чудовищем, которое в начале жизни имело облик лося, а с наступлением старости теряло зубы и рога, переселялось под землю или в воду и там перерождалось и видоизменялось. При этом рога у него отрастали вновь, но уже не ветвистые, а прямые.³

Нарымские селькупы различали прежде два вида мамонтов: один из них — «сурп-козар» — 'зверь-мамонт', другой — «кволи-козар» — 'рыба-мамонт'. «Сурп-козар» походил на лося и, будто бы, вел от него свое происхождение. По мнению селькупов, лось, дожив до глубокой старости, превращался в мамонта, и у него вместо рогов вырастали клыки, пользуясь которыми, он разрывал берега рек. После превращения это животное приобретало способность жить как на суше, так и в воде. Что касается «кволи-козар'а», то он своим видом, якобы, напоминал щуку. После ста лет эта щука принимала огромные размеры и переселялась в глубокие озера.⁴ По словам Е. Д. Прокофьевой, селькупы р. Парабели считали мамонта своим предком.⁵

Идея о метаморфозе животных, наступающем, якобы, в связи со старостью и одряхлением, не одинока. Ближайшую аналогию ей мы находим у народов Дальнего Востока. Там эта идея была известна еще до нашей эры. Вот что говорится по этому поводу в „Шу-Цзин“ — одном из старейших китайских сочинений исторического характера:

„Водяная змея... после 500 лет видоизменяется в «цзяо» (чешуйчатую змею, — С. И.); «цзяо» после 1000 лет превращается в «лунг'а» (т. е. в дракона, — С. И.); «лунг» через 500 лет превращается в «цзяо-лунг'а»

¹ Любезно разъяснено В. Н. Чернецовым. См. также слово «янггора» — 'мамонт' в „Кратком ненецко-русском и русско-ненецком словаре“ Г. Д. Вербова.

² Г. Старцев. Самоеды. 1930, стр. 62. — П. Третьяков. Туруханский край. Зап. ИРГО по общ. географ., т. II, СПб., 1869, стр. 416. — О. Финш и А. Брэм. Путешествие в Зап. Сибирь. М., 1832, стр. 522. — А. Шренк. Путешествие по северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам в 1837 г. СПб., 1855, стр. 275—276.

³ А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943, стр. 33.

⁴ Н. П. Григоровский. Очерк Нарымского края. Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. кн. IV, Омск, 1882, стр. 49—50. Говоря о „нарымских туземцах“, автор не называет их селькупам, но приводимые им местные термины указывают на селькупов.

⁵ Пользуюсь случаем выразить здесь благодарность Е. Д. Прокофьевой, В. Н. Чернецову и М. Г. Левину за сообщение некоторых не известных в литературе данных о мамонтах.

(рогатого дракона, — С. И.) и еще через 1000 лет — в «ин-лунг'а»¹ (т. е. в крылатого дракона — С. И.).¹

Маньчжуры, говоря о мифическом звере «тун-ситунь», похожем на огромную черную лисицу с бычьей головой и одним рогом, говорили, что в старости он покрывается чешуей.²

Таким образом, рога, чешуя и крылья некоторых легендарных водяных и сухопутных животных рассматривались иногда как позднейшие их признаки. Это обстоятельство также заслуживает быть отмеченным.

Манси (вогулы) называют мамонта «ма-хар» — 'земляной бык'. Но им, по словам В. Н. Чернецова, известно было и другое, подводное рогатое существо — «аньтэн-сорт». Это огромная, до четырех сажен длиною, щука, наделенная рогами оленя. Манси думали, что она живет в озерах, отличается злым характером и при случае поедает людей. Близким к мамонту является также «виткащ», ведущий будто бы свое происхождение от лося или медведя, перешедших в воду. Считалось при этом, что у лося на месте старых вырастают новые, прямые и длинные рога и появлялся рыбий хвост. Размеры животного значительно увеличивались. «Виткащ» избирал своим местопребыванием речные водовороты или озера. Прежде, — говорили манси, живущие в верховьях Лозвы, — рыбо-лосей было много, теперь же они встречаются в незначительном количестве.³

Ханты (остяки) называют мамонта так же, как и манси, «мы-хор» или «мы-кар» — 'земляной бык'.⁴ У салымских хантов для щуки-мамонта записано название «весь». Представления хантов о мамонте также сходны были с мансийскими. И здесь фигурировали, с одной стороны, громадные рогатые щуки, обросшие шерстью, с другой — подземные животные, затевавшие иногда между собою такую борьбу, что лед в озерах ломался со страшным треском.⁶

Эвенки называют мамонта «сели», «сӧли», «сэли», «хееи», «хеи». Тем же словом они называют бивни мамонта и мамонтовую кость. Сходное с этим слово «еһеһе» применяется по отношению к ящеру — главному духу шамана.⁷ По словам М. Г. Левина, изучавшего северо-байкальских эвенков, последние в одних случаях считали мамонта большой рогатой рыбой, живущей в море, в других — видели в нем полурыбу-полузверя, имевшего голову сохатого, а хвост и туловище рыбы. Иногда этих мифических животных наделяли ногами. Прежде, — говорили северо-

¹ M. W. de Visser. The Dragon in China and Japan. Verhandl. d. Koninkl. Akad. v. Wetensch. te Amsterdam. Afdeel. Letterk., Deel. XIII, № 2, Amsterdam, 1913, стр. 72.

² И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, стр. 747.

³ Устное сообщение В. Н. Чернецова.

⁴ A. Ahlqvist. Über die Sprache der Nord-Ostjaken, I, Helsingfors, 1880, стр. 103.

⁵ П. Городков. Поездка в Салымский край. Ежегодн. Тобольск. губ. муз., в. XXI за 1911 г., Тобольск, 1913.

⁶ Садовников. С реки Ваха Сургутского уезда. Ежегодн. Тобольск. губ. муз., в. XIX, Тобольск, 1909, стр. 21. — П. Третьяков. Туруханский край. Зап. ИРГО по общ. геогр. т. II, СПб., 1869, стр. 459.

⁷ К. Рычков. Медный змий. Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО, т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 40. Ульчи и гольцы словом «ise!an» называют ящерицу.

байкальские эвенки, — мамонтов было много, теперь они вывелись.¹ По мнению енисейских эвенков, «сели» — вредное животное. Оно обитает в земле, преимущественно у побережья Ледовитого океана. Проходя по земле, оно оставляет за собою тропы, а на месте отдыха — озера.²

В Якутии, где имеются значительные скопления костей мамонта, об этом животном сложились представления, близкие к тем, которые мы находим у эвенков. От эвенков же якуты заимствовали и его название «сәли», но у них есть и другое название для мамонта: «у-оҕуса» — «водяной бык».³ Мамонт, по рассказам якутов, имел огромные размеры и относился ими к числу рогатых животных. Его присутствие в воде, — говорили якуты, — особенно заметно зимой, когда он своими рогами задевает лед на реке, который при этом трещит и ломается. Мамонт считался у якутов духом-хозяином воды.⁴

Маньчжуры считали мамонта огромной мышью, обитавшей в северных странах, под толстым слоем льда. Мясо этой мышцы весило, якобы, 1000 фунтов и было вполне съедобным, а шерсть достигала нескольких футов длины. Маньчжуры называют мамонта «чжухэнь сингэри».⁵

По легендам китайцев, бивни мамонта представляли собою зубы испанской крысы «тиен-ту», водившейся, якобы, исключительно на Севере на холодных побережьях Ледовитого моря. Китайцы полагали, что «тиен-ту» избегает света, обитает внутри земли, в темных пещерах, и производит землетрясения. Мясо его считали съедобным и даже полезным для человека.⁶ Следует отметить, что в рассказах маньчжуров и китайцев мы встречаем такие черты мамонта, которые значительно ближе к действительности, чем легендарные описания этого животного у большинства народов Сибири. Можно поэтому предположить, что до китайцев каким-то путем доходили слухи о находках не только костей и бивней мамонта, но, возможно, и его туши с остатками шерсти и годным к употреблению мясом.

В пользу такого предположения говорит также то обстоятельство, что китайцы считали находимые бивни мамонта „зубами“, в то время как большинство других народов видело в них „рога“ животного. Только на крайнем северо-востоке Сибири мы находим представления о мамонте, близкие к действительности. В. Г. Богораз сообщает, например, что, по мнению чукчей, бивни мамонта — это его клыки, торчащие из носа или растущие

¹ Устное сообщение М. Г. Левина.

² К. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, М., 1922, кн. I—II, стр. 93.

³ А. Миддендорф. Путешествие на Север и Восток Сибири, ч. II, СПб., 1869, стр. 821. — Э. Пекарский. Словарь якутского языка, в. 7. Л., 1925, стр. 1737. — А. Попов. О верованиях якутов Якутской области. Изв. ВСОРГО, т. XVII, № 1—2, Иркутск, 1886, стр. 128.

⁴ А. Миддендорф. Путешествие..., стр. 821. — Пекарский и Попов. Сб. „Очерки по изучению Якутского края“, Иркутск, 1928, стр. 7. — Э. Пекарский. Словарь..., стр. 1737. — А. Попов. О верованиях..., стр. 128.

⁵ И. Захаров. Поли. маньчж.-русск. словарь, стр. 1004.

⁶ А. Норденшельд. Путешествие вокруг Европы и Азии..., стр. 396.

на плечах. В то же время чукчи считали мамонта подземным животным, пролагавшим себе узкие проходы в земле.

Юкагиры, судя по изображениям, также видели в мамонте животное, наделенное огромными клыками.

Эскимосы р. Квихпак предполагали, что бивни мамонта, которые они иногда находили в земле, принадлежали гигантским оленям, приходившим в древние времена откуда-то с востока. Верили, что этих оленей будто бы истребил всех до одного какой-то великий чародей, поэтому такие олени теперь не встречаются. Другие эскимосы рассказывали, что олени-великаны не исчезли окончательно, а живут под землей, откуда доносится по временам их рев; раз в году они ночью выходят на поверхность земли.¹

Азиатские эскимосы также знают легендарного мамонта. Они называют его «камагрита».²

Чукчи и юкагиры находили, повидимому, не только бивни, но и целые туши или части туш мамонта. Некоторые указания на это дает их фольклор. Так, в одной из сказок говорится о том, как однажды чукчи, найдя пару бивней мамонта, торчащих из земли, принялись бить в бубен и произносить заклинания. Тогда голый костяк мамонта стал обрастать плотью, и люди ели мясо животного.³

Таким образом, основываясь на описательных признаках этого фантастического зверя, можно наметить два типа „мамонтов“ — восточный, который мы находим у чукчей, коряков, китайцев и маньчжур, и западный, известный большинству народов центральной и западной Сибири, а также народам европейского Севера. Первый более близок к действительному облику мамонта: животное наделено огромными бивнями, отличается крупным весом и длинной шерстью, причем мясо его считается съедобным; это животное принадлежит к числу сухопутных. Второй тип отклоняется от первого в сторону легендарного рогатого животного, соединяющего в себе черты водяного и сухопутного зверя. Двойственная природа мамонта проявляется в ряде признаков, которые находят свое отражение и в его изображениях, к рассмотрению которых мы и переходим.⁴

У палеоазиатов, несмотря на их склонность к скульптуре и рисункам, изображения мамонта встречаются крайне редко. Уникальной следует считать фигуру этого животного, начерченную кончиком ножа на деревянной дощечке юкагирской работы, найденной В. Г. Богоразом в 1897 г. в одном из заброшенных амбаров на р. Анюе (рис. 1). Рисунок нанесен на левой,

¹ Обитатели северо-западных берегов Америки. Сын отечества, т. 7, отд. III, СПб., 1839, стр. 75.

² Личное сообщение эскимоса Уйгахпака, студента Лен. Гос. университета.

³ В. Г. Богораз. Чукчи, II. Религия. Л., 1939, стр. 37—33.

⁴ Наряду с литературными источниками, для настоящей статьи использованы коллекции следующих музеев СССР: Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии Наук СССР и Гос. Музея этнографии (Ленинград), б. Центрального антирелигиозного музея и Музея народов СССР (Москва), Музея Каванского университета, Амурского музея (г. Благовещенск). Администрации указанных музеев приношу благодарность за разрешение опубликовать некоторые из экспонатов в настоящей статье.

окрашенной в черный цвет части дощечки. Позади мамонта помещены фигуры лошади и собаки, а над ним две птицы, с каким-то неясным рисунком между ними. Правая половина дощечки окрашена в красный цвет, и на ней прочерчены контуры других животных, птиц и растений.¹

Изображенное животное имеет массивное туловище и крупную тяжелую голову; хобот отсутствует. Бивни, начинаясь у носа, загибаются кверху и кончаются у загривка. Длинный хвост раздвоен, ноги тонкие и вытянутые. Изображение исполнено в реалистическом стиле. В искусстве современных народов Сибири, среди ряда изображений на ту же тему, оно дает наиболее близкий к оригиналу образ мамонта.

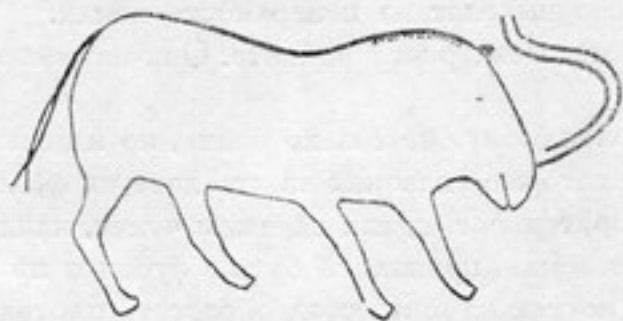

Рис. 1. Юкагиры. Изображение мамонта на деревянной дощечке. (По В. Г. Богоразу).

Какое значение имел этот уникальный пока рисунок, остается, к сожалению, неясным. Известно только, что дощечка, на которой нанесено изображение, употреблялась шаманами для призывания духов. Из другого источника мы узнаем, что у народов Анадырского края мамонт включался в число духов-помощников шамана и считался

среди них самым сильным. Его услугами „пользовался“ шаман во время своих „путешествий по подземному миру“, с его же „помощью“ вступал он „в борьбу“ с другими шаманами. У самых сильных шаманов мамонт был главным духом.² В шаманском предании рассказывается, как однажды один старый юкагирский шаман вызвал «холбут айби» — ‘тень мамонта’, сел вместе со своим сыном верхом на этого духа и заставил его плыть по озеру.³ Приведенные факты показывают, что мамонт рассматривался юкагирами как один из сильнейших духов-помощников шамана.

Были ли изображения мамонтов у якутов — не известно. Что касается эвенков, то у них находим наиболее интересный и относительно богатый материал этого рода, главным образом в железной скульптуре.

По словам К. М. Рычкова, изображения мамонтов — железные или медные — были почти у каждого шамана енисейских эвенков. Они служили ему духами-помощниками во время воображаемых странствований по подземному миру.⁴

У эвенков, следовательно, мы находим ту же функцию интересующих нас изображений, что и у юкагиров. В Музее народов СССР в Москве хранится интересная коллекция изображений мамонта, собранная М. Г. Леви-

¹ В. Г. Богораз. Чукчи, II, стр. 33.

² Г. Дьячков. Анадырский край. Зап. Общ. изуч. Амурск. края, т. II, Владивосток, 1893, стр. 127—132.

³ В. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I, СПб., 1900, стр. 165, прим. 4.

⁴ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы..., стр. 93.

ным в 1927 г. среди северо-байкальских эвенков.¹ Металлические фигуры мамонтов встречаются обычно среди подвесок шаманского костюма эвен-

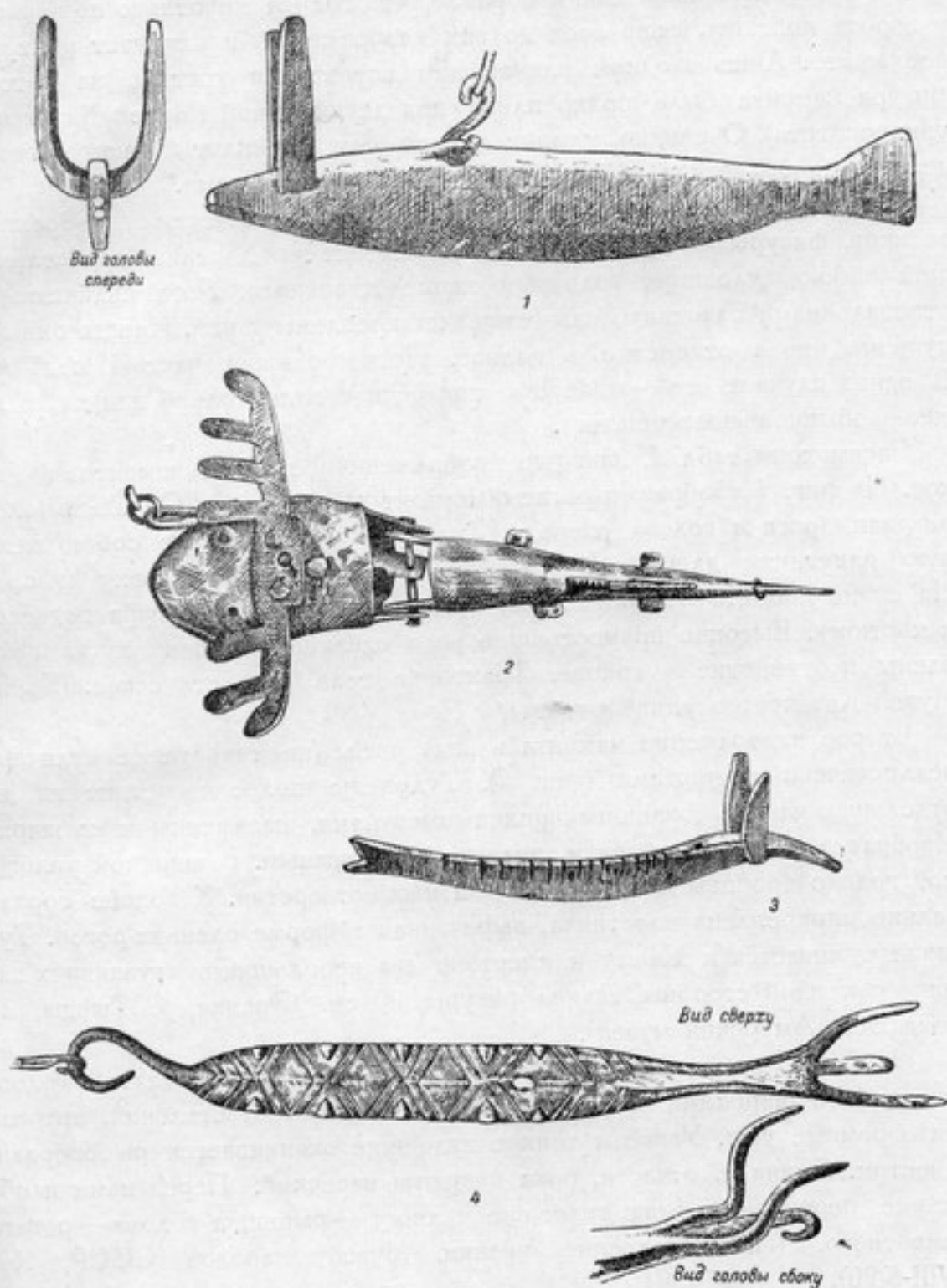

Табл. I. Эвенки. Изображения мамонтов на подвесках шаманского костюма.

ков. Имеются они и в других музеях Советского Союза, на костюмах енисейских, вейских, баргузинских и других эвенков. Не случайно боль-

¹ М. Г. Левин. Эвенки Северного Прибайкалья. Сов. этногр., 1936, № 2, стр. 77, прим

большинство известных нам крупных изображений мамонтов подвешено вдоль спины шаманского костюма, как бы прикрывая собою позвоночник шамана. Подвески прикреплены таким образом, что голова животного помещается у ворота костюма, выше всех других изображений, и занимает центральное место. Лишь в одном случае нам встретился костюм, на котором фигура мамонта была прикреплена под левой рукой (Музей Казанского университета). Очевидно, мамонт должен был „укреплять“ самого шамана, делать его более сильным в борьбе с вредными духами.

Как и большинство других шаманских металлических изображений эвенков, фигуры мамонтов чаще всего состоят из пластины, представляющей собою туловище, голову и хвост животного. Рога являются или ответвлениями пластины, или (чаще) прикреплены к ней. Иногда они пропущены через отверстие в голове. Ноги большей частью подвижны. В одних случаях это — железные подвески в виде полого конуса, в других — обыкновенные цепочки.

Рассмотрим табл. I, дающую изображения безногих мамонтов у эвенков. На фиг. 1 изображен рогатый мамонт в виде рыбы. Отдельно (слева) показаны рога и голова спереди. Туловище представляет собою железную пластинку длиной 21 см, слегка сплюснутую сверху и снизу. На спине пробито отверстие для крючка, за который фигура подвешена к костюму. Высокие прямо стоящие рога сделаны из одного куска и вставлены в отверстие в голове. Траптовка тела реалистическая. (Эвенки. Музей Казанского университета).

Второе изображение мамонта в виде рыбы (налима) также отличается реалистическими чертами (фиг. 2). Туловище полая и состоит из двух отдельных частей, оканчивающихся выступами, насаженными на шарнир. Изображение, таким образом, является подвижным. В широкой уплощенной голове пробиты два круглых глазных отверстия. К голове горизонтально прикреплена пластинка, вырезанная в форме оленьих рогов. Туловище суживается к хвосту и имеет по два небольших выступающих плавника с каждой стороны. Длина фигуры 30 см. (Эвенки р. Тынды, притока Зеи. Амурский музей).

На фиг. 3 представлен безногий мамонт с узкой вытянутой головой, увенчанной широкими прямо стоящими рогами без ответвлений, похожими на огромные уши. Узкое и тонкое туловище оканчивается рыбообразным хвостом. Спина и, отчасти, бока покрыты насечкой. Перед нами изображение переходного типа: туловище и хвост — рыбы, а голова — рогатого животного. (Прибайкальские эвенки. Музей народов СССР, Колл. VIII-6/90).

У фиг. 4, также лишенной ног, рога гладкие, в виде слегка изогнутых вперед отростков, помещенных на голове, оканчивающейся загнутым вниз крючком, образующим петлю для привешивания изображения к горизонтальной пластинке. Пластинка пришита к спине шаманского костюма. Туловище мамонта плоское, суживающееся к шее, хвост образует петлю, к которой подвешена цепь. Края туловища слегка скошены и покрыты насечкой из парных линий и неглубокими выемками (по пяти с каждой сто-

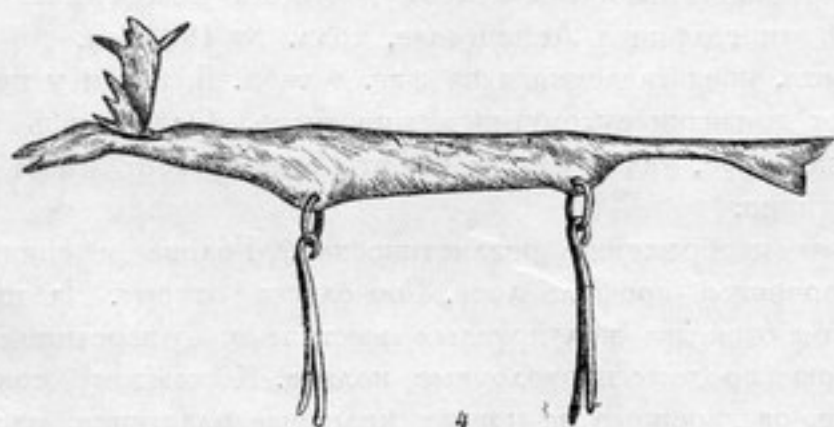
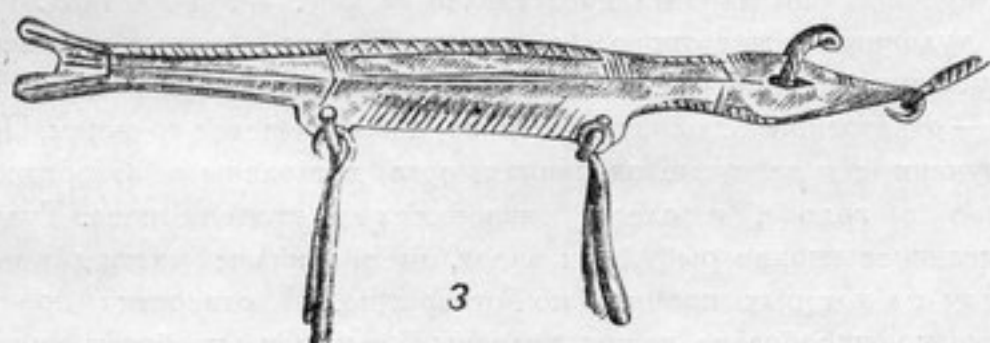
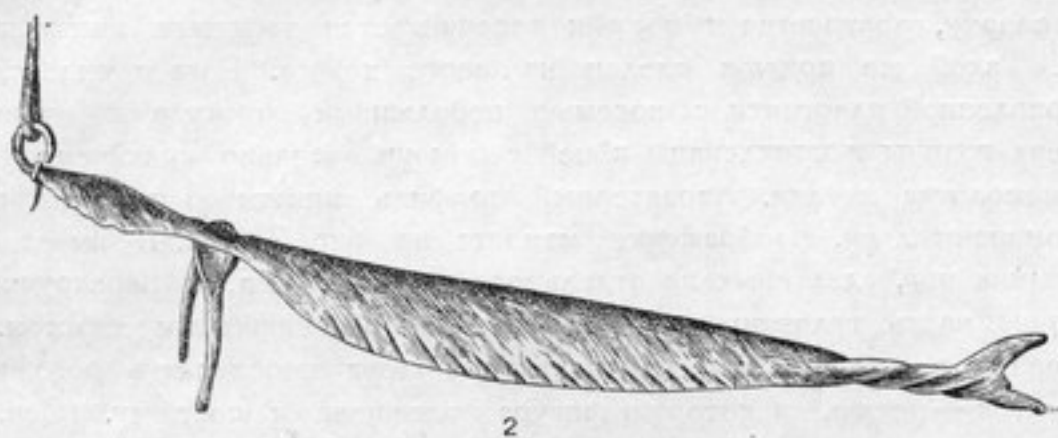
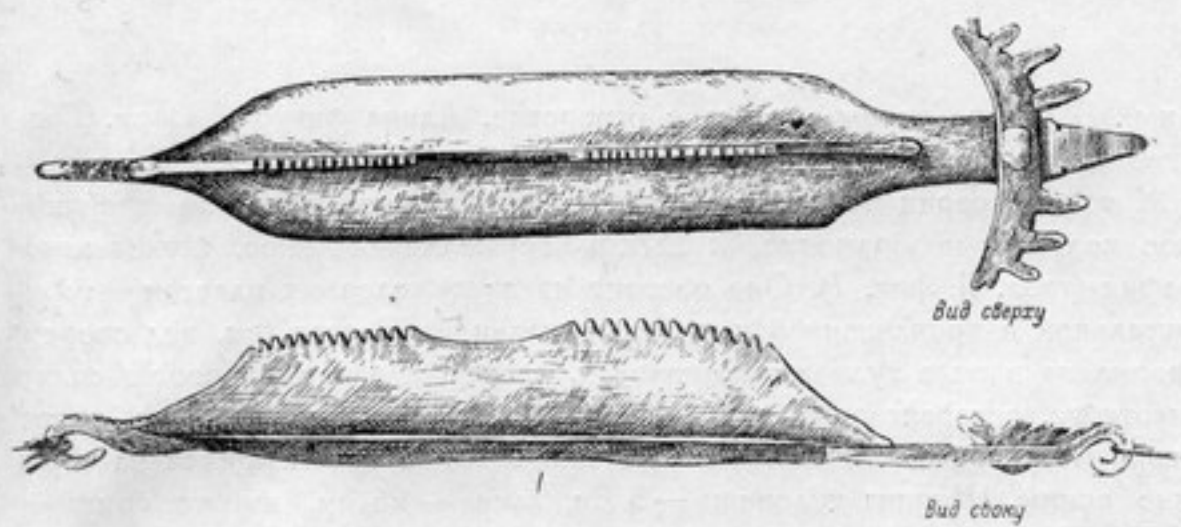

Табл. II. Эвенки. Изображения мамонтов на подвесках шаманского костюма.

роны). В центре спины — круглое отверстие. Длина фигуры 33 см. (Гос. Музей этнографии в Ленинграде, колл. № 163-I/a).

К той же серии безногих мамонтов должно быть отнесено эвенкийское железное изображение № 1572-3 из коллекций Гос. Музея этнографии (табл. II, фиг. 1). Оно состоит из двух железных пластин — горизонтальной и приклепанной к ней вертикальной. Первая (см. вид сверху) оформлена в виде туловища с головой, вторая изображает собою спину животного, с характерным для лоса повышением в передней ее части. Линия позвоночника вырезана в виде зубцов, прерывающихся на середине спины. Ширина туловища — 3 см, длина — 26 см, высота спины — 3,5 см. Туловище переходит в плоскую шею, голова, если смотреть на нее сверху, заостряется к носу и заканчивается загнутым книзу крючком. Такой же крючок сделан на месте хвоста. Рога в виде слегка искривленной пластинки с восемью небольшими отростками наложены поверх головы и приклепаны к ней с помощью сильно сплюсненной ударами молотка втулки. Характерный профиль животного и форма рогов напоминают лоса. Изображение мамонта на фиг. 2 табл. II имеет пару передних ног, сделанных из отдельного куска железа, и перекрученную заднюю часть туловища, оканчивающуюся рыбообразным хвостом. На туловище видны знакомые нам насечки. Голова переходит в роговидный придаток — петлю, за которую фигура подвешена к костюму. (Сев.-байкальские эвенки. Музей народов СССР, колл. 1927 г. № 76).

Интересный тип мамонта представлен на фиг. 3 той же табл. II. Плоское туловище животного, а также голова покрыты насечками и углубленными линиями, идущими вдоль позвоночника и по бокам. Хвост — раздвоенный, голова заострена и оканчивается крючком. Прямые, перекрученные и загнутые на концах рога вставлены в отверстие, прорезанное в голове, и слегка загибаются в сторону носа. Туловище, напоминающее скорее рыбу, чем зверя, имеет в нижней части два выступа, в каждом из которых пробито по отверстию. В отверстия пропущены загнутые крючкообразно концы железных подвесок, изображающих ноги. Фигура, вырезанная из куска железа, достигает в длину 22,5 см. (Эвенки. Гос. Музей этнографии в Ленинграде, колл. № 1923-14).

У мамонта, представленного на фиг. 4 табл. II, как и у предыдущего, преобладают признаки сухопутного животного. Один лишь хвост, раздвоенный на конце, указывает на то, что этот мамонт имеет отношение к водной стихии.

Трактовка изображения реалистическая. Голова и спина образуют хорошо очерченный профиль лоса. Рот слегка открыт. На нижнем крае туловища имеются два полукруглых выступа с отверстиями в центре, через которые продеты проволочные кольца. К каждому кольцу подвешены узкие, раздвоенные на концах железные пластинки, изображающие ноги. Нижняя часть тела и ноги исполнены в условной трактовке. Вдоль позвоночника нанесена насечка, состоящая из коротких поперечных линий. Есть основания предполагать, что эта насечка, а также разного рода зарубки и впадинки по сторонам туловища представляют собою чешуйки —

один из второстепенных признаков водяного животного. Такие же насечки встретятся нам и на деревянных изображениях. Длина фигуры — 40,5 см. (Северо-байкальские эвенки. Музей народов СССР, coll. VIII-6/145).

Сходное с описанным, но более тщательно отделанное изображение рыбы-лося, имеющее в длину 27 см, представлено на фиг. 1 табл. III.¹ Плоское туловище его, сделанное из железной пластинки, оканчивается

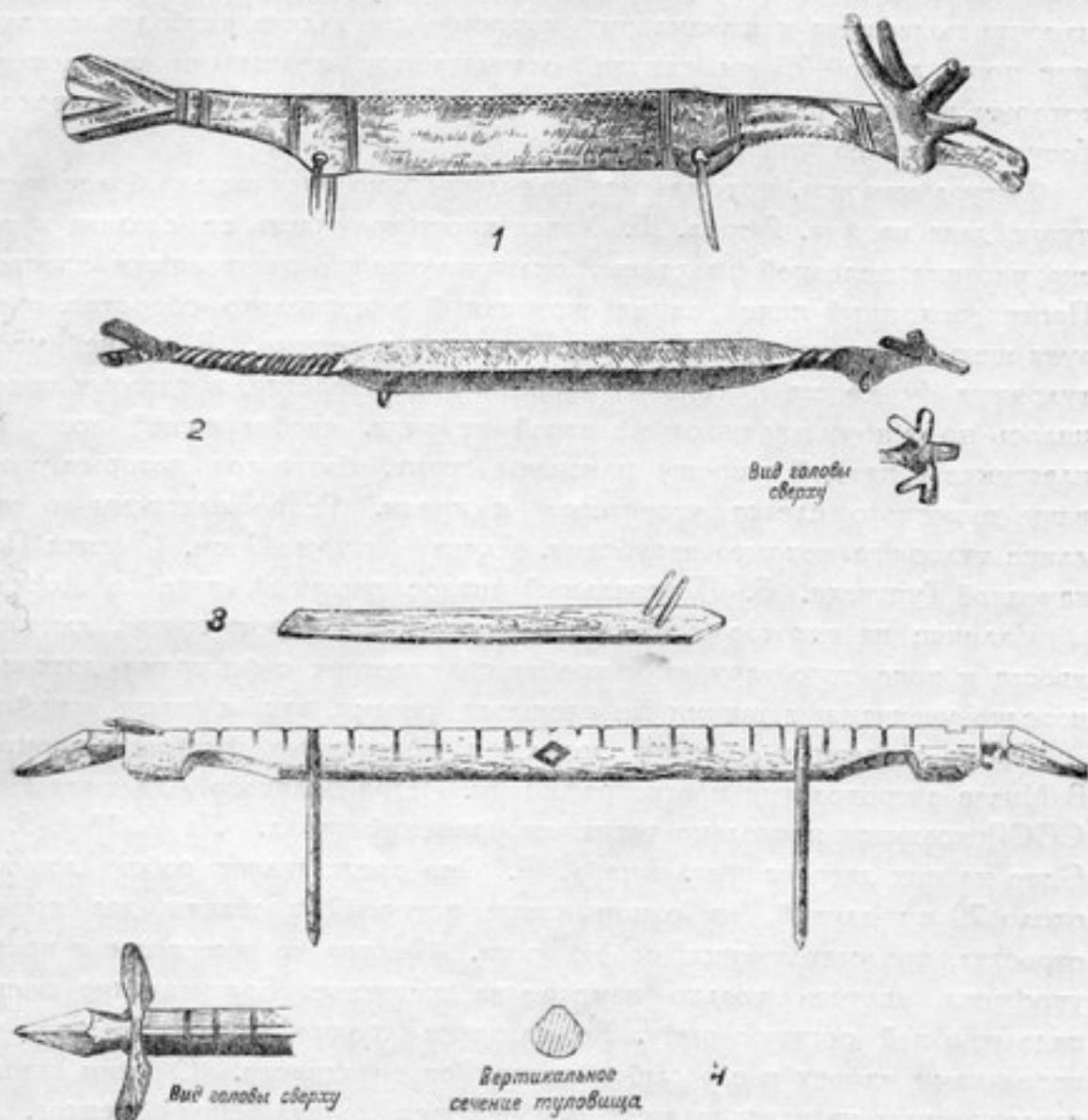

Табл. III. Эвенки. Изображения мамонтов на подвесках шаманского костюма.

слегка раздвоенным хвостом, покрытым врезными линиями, подчеркивающими его форму. Вдоль верхнего края идет насечка в виде зигзага. Тройные врезные линии пересекают в нескольких местах туловище в вертикальном направлении. Они выделяют и как бы подчеркивают голову, лопатки, круп и хвост животного. Нижний край шеи зазубрен,

¹ Схематический рисунок его был опубликован в 1905 г. А. А. Спицыным (Шаманские изображения. Зап. Отд. русск. и славянск. археолог. Русск. археолог. общ., т. VIII, в. 1, СПб., 1906, рис. 475).

очевидно, с целью показать свисающие пучки длинной шерсти. С художественной точки зрения обращает на себя внимание удачная моделировка шеи и головы, дающая характерный, четко очерченный профиль лоса. Толстые с короткими отростками рога, огибающие голову снизу, прикреплены к ней с помощью металлической втулки. На месте ног подвешены железные цепи. За переднюю, более короткую цепь фигура мамонта подвешена к шаманскому костюму; две задние свободно свисающие цепи, длиной 73 см каждая, оканчиваются железными подвесками, которым придана слегка коническая форма. (Эвенки. Музей Казанского Государственного университета).

Фигура мамонта, похожая на предыдущую, но значительно более вытянутая, дана на фиг. 2 табл. III. Узкая хвостовая часть ее сделана путем скручивания железной пластины, оканчивающейся раздвоенным хвостом. Противоположный конец, также скрученный в несколько оборотов, образует шею. Рога на голове небольшие, раздвоенные. В нижней части туловища (у хвоста и головы) пробиты два отверстия, в которых сохранилось по одному звену от железной цепочки, изображавшей ноги. На пластинке с каждой стороны намечены грани, благодаря которым туловище животного слегка утончается к краям. Ребро пластины по всей длине туловища покрыто зарубками. Длина фигуры 49 см. (Эвенки Подкаменной Тунгуски. Б. Центральный антирелигиозный музей в Москве).

Наличие на некоторых изображениях мамонта коротких ног, длинного хвоста и покрытого зарубками хребта сближает их с фигурами драконов, нередко увенчанных такими же оленьими рогами, как и наши мамонты.

Кроме железных, эвенки делали и деревянные фигуры мамонтов. В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии Наук СССР хранится несколько таких изображений (колл. № 2216-4, 5, 6). Одно из них дано на фиг. 3 табл. III. Оно представляет собою дощечку около 70 см длиной, на одном конце которой укреплены два прямых отростка, представляющих собою рога. Фигура не имеет ног и крайне упрощена, являясь только намеком на животное. Баргузинские эвенки видели в ней рогатую рыбу. Ее название «соли» говорит о том, что перед нами мамонт в его рыбообразной разновидности. С этим вполне согласуется и назначение этого изображения: по воззрениям эвенков, дух мамонта, заключенный в деревянной дощечке, сопутствуя шаману в его «путешествии в подземный мир» (камлание «*örgiskä*»), должен был пробивать дорогу среди камней при переходе через реки и моря.

Но, пожалуй, наиболее замечательной из всех виденных нами деревянных изображений мамонта является фигура, хранящаяся в Государственном Музее этнографии в Ленинграде (колл. № 1331-23). Она была доставлена в Музей в 1907 г. А. А. Макаренко от эвенков бассейна р. Подкаменной Тунгуски (фиг. 4 табл. III). Мамонт входил в группу других деревянных изображений духов и вместе с ними помещался в шалаше, стоявшем около юрты начинавшего свой искус шамана. О том, что эта фигура действительно является изображением мамонта, говорит ее название «соли».

Это редкое произведение монументальной скульптуры эвенков интересно с нескольких точек зрения. Прежде всего, оно поражает своими размерами: его длина достигает 3.55 м. Далее, обращает на себя внимание его необычайная форма: оба конца листовичного бревна, из которого сделана фигура, обработаны в виде головы животного. С первого взгляда изображение можно принять за двухголовое, однако мы склонны видеть в нем не одного, а двух мамонтов, обращенных головами в противоположные стороны и соединенных вместе задними частями тела. На месте соединения прорублено сквозное отверстие в форме ромба. Подобного рода парные фигуры известны и по другим образцам деревянной и железной шаманской скульптуры эвенков, например по изображениям рыб, соединенных хвостами с оставлением небольшого отверстия между ними.

Изображение мамонта стоит на четырех ногах — палках, вставленных наклонно в прорези туловища. Длина каждой палки равна 1 м, но рост животного значительно ниже, так как ноги расходятся в стороны. Обе морды заострены и имеют стесы сверху и с боков.

Плоская дощечка, длиной в 62 см, прибитая поперек головы, вырезана в форме ушей, но изображает, видимо, рога, на что косвенно указывает ее название «дотур». По разъяснению Г. М. Василевич, «дотур» — это та часть „нижнего мира“, где, по прежним воззрениям эвенков, протекает подземная река, перегороженная лосиными рогами. В связи с этим становится ясным, что описываемый мамонт относился эвенками к числу подземных животных, что вполне согласуется с древними представлениями об этом животном.

Туловище мамонта круглое, слегка суживающееся к позвоночнику. Вдоль спины, по всей длине ее, нанесены зарубки. Описанная фигура служила подставкой для вершин жердей, уложенных параллельно друг другу и ориентированных на север. Это еще раз подчеркивает ту важную роль, которую играл мамонт в шаманстве народов Сибири.

Нам остается сказать несколько слов о мамонтовидных изображениях селькупов (остяко-самоедов) и хантов. В Государственном Музее этнографии в Ленинграде хранится шаманский костюм, значащийся остяцким, но, судя по названию его подвесок, приобретенный у селькупов.¹ На спине костюма имеется железная фигура длиной около 40 см (фиг. 1 табл. IV). Она напоминает своим видом рыбу и носит название «тын» (таймень?). Центральная часть головы и спина ее слегка приподняты, а края зазубрены (чешуя). Назначение фигуры не известно, но, судя по крупным размерам и центральному месту, которое она занимает на костюме, можно предполагать, что она изображает собою рыбу-мамонта.

В деревянной скульптуре хантов встречаются крупные изображения животных, во многом сходные с вышеописанными железными и деревян-

¹ Колл. № 273-1. По словам Е. Д. Прокофьева, приводимые в описи названия подвесок, а также название самого костюма говорят о том что приобретен был на левой стороне Оби, у селькупов Каргасокского района.

ными фигурами мамонтов у эвенков и, несомненно, отражающие те же или близкие к ним представления о полурыбе-полузвере. Несколько экземпляров таких скульптур имеется в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии Наук СССР (колл. № 5111-187, 188, 189, 190). Они найдены в 1931 г. И. М. Мягковым на р. Васюган, около оз. Тух-Сигат (Нарымский край).¹ Как эти, так и другие подобные им изображения были сложены в лесу, на месте, называемом местными

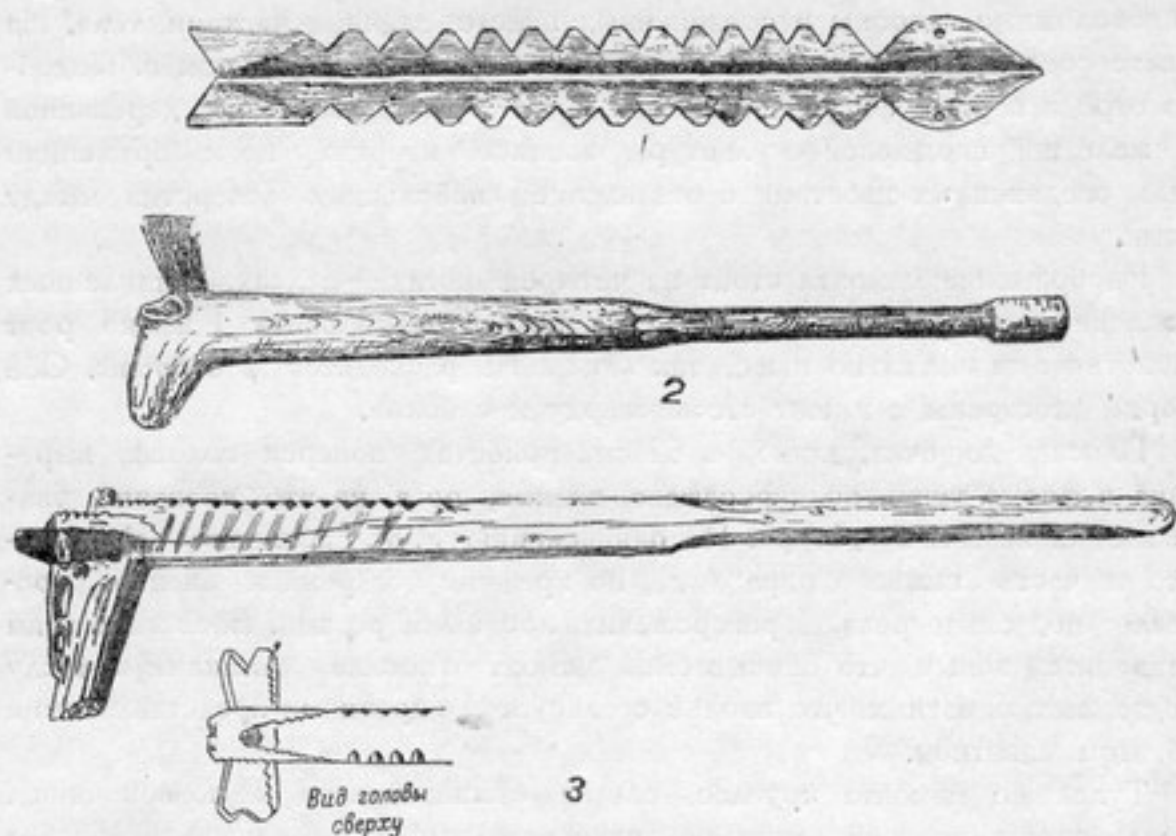

Табл. IV. Изображения мамонтов: фиг. 1 — у селькупов, фиг. 2 и 3 — у хантов.

жителями „городом слепых богов“ («сымки юнхи вач»). В письме к Б. Л. Богаевскому И. М. Мягков сообщает, что эти фигуры употреблялись на охоте за лосями с магическими целями и, по мере использования, сносились в указанное место и сваливались в кучу.²

На фиг. 2, 3 табл. IV воспроизведены два изображения этих животных. Одно (фиг. 2) имеет в длину 1,34 м (колл. № 5111-188). Оно вырезано из целого куска дерева (ствола с корневищем) и лишь слегка обработано. Утолщенная часть оформлена в виде головы лося. Два обрубленных корня изображают рога или уши животного. Хвостовая часть стесана и на конце утолщена.

¹ В. Н. Черледов склонен считать эти изображения селькупскими или сделанными хантами, подвергшимися влиянию селькупов. Однако Е. Д. Прокофьева подобных изображений у селькупов не встречала. Что касается местных названий, записанных И. Мягковым, то они, по словам Прокофьевой, относятся к языку васюганских хантов.

² См. статью: Б. Л. Богаевский. О значении изображений „колдуна“ в пещере трех братьев. Сов. этногр., 1934, № 4, стр. 52. Там же приводится фотографический снимок с изображений.

Второе изображение (фиг. 3) имеет сходную с предыдущим форму, но в художественном отношении более тщательно разработано (колл. № 5111-189). Длина его достигает 2.78 м. Туловище отесано топором и имеет форму четырехгранного бруса, несколько суживающегося к хвосту. Хвостовой части, занимающей около половины всей фигуры, придана путем стесывания граней округлая форма. Тяжелая массивная голова на конце морды срезана. На месте носа оставлена часть корня. Плоские с надрезом на конце уши торчат в стороны и по краям зазубрены. На голове имеется небольшой выступ-рог, края которого также покрыты зарубками. Глаза нанесены черной краской. Вдоль верхних граней туловища, приблизительно до середины последнего, идет ряд крупных зарубок, а по сторонам туловища нанесены черной краской наклонно расположенные полосы, имитирующие ребра или чешую. Ряд внешних признаков, например лосиная форма головы, отсутствие ног, чешуйчатое тело и длинный хвост с утолщением на конце, говорят о том, что перед нами хорошо знакомая нам разновидность мамонта в виде лося-рыбы.

Скульптурные изображения мамонтов встречались и у других территориальных групп хантов, но чего-либо определенного о внешнем виде этих фигур мы сказать пока не можем, так как в имеющейся литературе иллюстративный материал этого рода отсутствует, а описания изображений носят крайне беглый характер. Так, например, относительно салымских хантов известно только, что фигуры мамонтов, которые они ставили в лесу около изображений тонхов (богатырей) в качестве охраны последних, были „грубо выточены из дерева“.¹

На предметах, которые изготовляли и украшали женщины, изображения мамонтов составляют исключение. С этой точки зрения большой интерес представляют данные, сообщенные нам А. П. Сушкиной. В 1931 г. среди хантов р. Сын и манси р. Ляпин, видела украшенные изображениями мамонтов меховые мешочки и рукавицы, употреблявшиеся женщинами на медвежьем празднике. На фиг. 1 табл. V воспроизведено такое изображение на меховом мешочке.² По объяснению хантов, это «йнк-вой» — 'водяной зверь'. В то же время он, якобы, живет в земле и имеет большие зубы или рога. „Старые люди видели его в маленьких речках“, — говорили ханты. Зверь этот считался священным. Изображение его на рукавицах, употреблявшихся на медвежьем празднике, называется «хан/ан пос хандум» — 'рисунок узорных рукавиц'. Фигура похожа на медведя и исполнена в характерном для угорского искусства стиле. Голова мамонта снабжена двумя рогами с отростками. Подобные

¹ Б. Городков. Поездка в Салымский край. Ежегодн. Тобольск. губ. муз., в. XXI, Тобольск, 1918, стр. 57—58. — Л. Шульц. Краткое сообщение о поездке на р. Салым. Там же.

² А. П. Сушкина имела возможность сделать зарисовки изображений и записать названия их во время экспедиции в указанные районы в 1931—1932 гг. За сообщение полученных ею сведений и разрешение опубликовать одно из изображений мамонта выражаю ей свою благодарность.

же отростки имеются и на ногах. Хвост раздвоен. Изображение дано сверху, представляя собою как бы распластанную фигуру. Присутствие изображения мамонта на рукавицах, надевавшихся во время медвежьего праздника, становится понятным в свете тех фактов, которые сообщает В. В. Сенкевич.¹ Казымские ханты, оказывается, верили в то, что медведь после смерти превращался в мамонта. Таким образом, между медведем и мамонтом устанавливалась тесная связь, а между изображениями того и другого животного — известная близость.

Данные А. П. Сушкиной в недавнее время нашли свое подтверждение среди казымских хантов. По сообщению Н. Ф. Прытковой, изучавшей эту группу хантов в 1941—1945 гг., животного, изображенного на фиг. 1 табл. V, ханты в одном случае назвали «мув-хор» — «земляным быком», или мамонтом, в других — лосем или медведем. Н. Ф. Прыткова встречала подобные изображения на женских меховых мешочках для хранения принадлежностей шитья, на берестяных коробках, служащих для той же цели, и на рукавицах, надеваемых во время медвежьего праздника. К этой же серии относится, по видимому, изображение животного, выскобленное на берестяном сосуде № 5786, хранящемся в Тобольском музее (фиг. 2 табл. V). Сосуд принадлежал хантам р. Казым. Рукавица с изображением медведя, имеющего черты мамонта, представлена на фиг. 3 табл. V. Она приобретена у манси проф. С. И. Руденко и хранится в Государственном Музее этнографии в Ленинграде, в коллекции № 1710. Рукавица сшита из кусков цветного сукна.

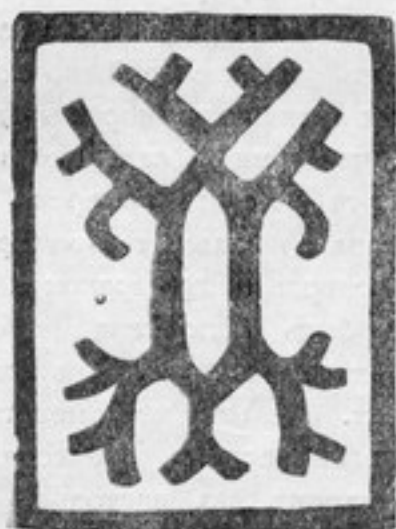
Рассмотренные изображения мамонтов вполне, как мы видим, согласуются с описаниями этого животного в рассказах народов Сибири, приведенными выше. Они подтверждают нашу мысль о том, что у этих народов сложилось два образа мамонта, которым соответствовали два типа этого животного в изобразительном искусстве, — восточный и западный. К последнему относятся, между прочим, и изображения мамонта у байкальских эвенков.

Чем же вызваны столь существенные различия между этими двумя типами? Почему восточный тип приближается к действительности, а западный отдален от нее? Ответ на этот вопрос подсказывается, как нам кажется, характером самих остатков мамонтов, находимых в Сибири.

Как известно, на территории Западной Сибири находки частей туши мамонта крайне редки, что объясняется тем, что здесь когда-то был район сплошной ледниковой шапки, западная граница которой оканчивалась полуостровом Таймыр. При таянии льда мягкие части мамонта не могли сохраниться. Кроме того, на значительной части территории Западной Сибири отсутствовала вечная мерзлота, поэтому здесь чаще всего находят только кости и бивни мамонта. Естественно, что на основании одних костных остатков народы Западной Сибири не могли воссоздать истинный облик этого животного и перенесли на него черты хорошо извест-

¹ См. далее ее заметку «Мамонт в фольклоре и изобразительном искусстве казымских хантов».

ных им современных представителей местной фауны, комбинируя чаще всего признаки лося и оленя с признаками рыбы.

1

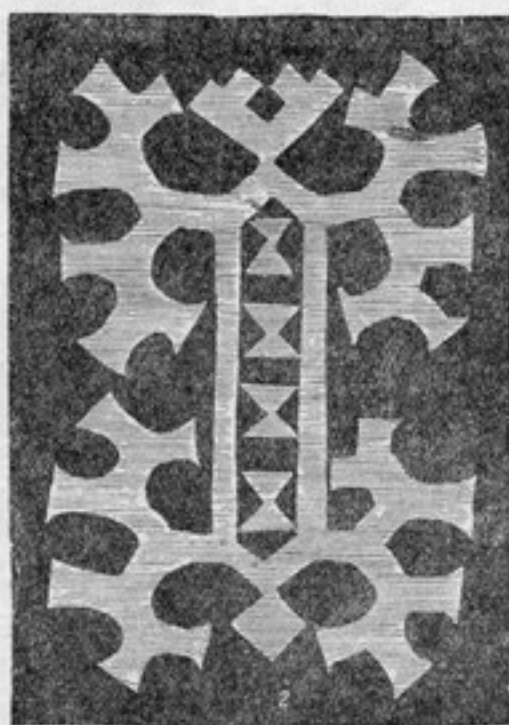

Табл. V. Фиг. 1 — ханты, изображение мамонта на меховом мешочке; [фиг. 2 — ханты, изображение животного с чертами мамонта (берестяной сосуд); фиг. 3 — манси, изображение медведя с чертами мамонта (рукавица).

Иную картину представляет собою Восточная Сибирь. Здесь, за исключением Чукотского полуострова, постоянная ледниковая шапка отсут-

ствовала.¹ Вечная мерзлота создавала благоприятные условия для сохранения мясного покрова ископаемых животных, находки которых способствовали более правильному представлению о внешнем их облике.

Подводя итог сказанному, мы видим, что мамонт считался прежде животным священным. В нем видели хозяина воды, но в то же время, в силу двойственности своей природы, он фигурировал и в обрядах, связанных с охотой на лесных животных (на лося). Как крупное и сильное животное мамонт считался охранителем предков-богатырей, а также проводником и помощником шаманов во время их „путешествий по подземному миру“. Видя в мамонте одного из своих главных зооморфных духов-помощников, селькупские шаманы полагали, что они и сами могли превратиться на некоторое время в мамонтов, хотя бы после смерти.²

Из сказанного следует, что серия наиболее сильных зооморфных шаманских духов, к которой принадлежали медведь, тигр, дракон и некоторые другие животные и птицы, должна быть дополнена мамонтом. Мамонта нужно включить и в число тотемных животных,³ среди которых он является, возможно, одним из древнейших. Нельзя не отметить, что с мамонтом связаны и некоторые идеи космогонического характера. Так, например, сибирские татары говорили, что мамонт был настолько тяжелым животным, что земля оказалась недостаточно крепкой, чтобы его выдержать. Тогда бог приказал этому животному самому держать на себе землю.⁴

Большинство известных пока изображений мамонта относится к обширной области сибирского анимистического, отчасти магического искусства, примыкая к группе легендарных животных, соединяющих в себе признаки различных классов, в данном случае признаки рыб и млекопитающих.

Чаще всего, как мы видели, мамонт ассоциировался с лосем, приобретая черты этого животного. Но это не обычный лось, а лось, достигший глубокой старости, переселившийся в воду или под землю и здесь получивший, якобы, второе рождение и новый облик. Выбор лося, заменившего собою мамонта, вызван был, повидимому, тем обстоятельством, что из всех зверей, известных народам Сибири, лось был самым крупным и сильным и в нем видели „хозяина“ тайги, а тем самым и „хозяина“ зверей.

Скульптурные изображения мамонтов представлены пока в наших музеях в недостаточном количестве, а относящиеся к ним данные носят отрывочный и случайный характер. Не исключена, впрочем, возможность,

¹ См. напр. статью: В. Н. Сакс. Четвертичное оледенение Севера Сибири. Природа, 1947, № 4.

² Н. П. Григоровский. Очерки Нарымского края. Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО, кн. IV, Омск, 1882, стр. 51—52.

³ Сводку данных о тотемных животных у народов Сибири см. в работе: А. М. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934.

⁴ U. Holmberg. Finno-ugric, Sibirian. The Mythology of all races, vol. IV, Boston, 1927, стр. 312.

что при дальнейшем изучении коллекций некоторые изображения животных, принадлежность которых к тому или иному классу пока неясна, будут отнесены к группе „мамонтов“ и тем самым расширят круг интересующих нас памятников сибирского искусства.

В связи с затронутой нами темой иное освещение приобретают, как нам кажется, и некоторые археологические памятники, найденные на территории Приуралья. Мы имеем в виду изображения животных, получивших в литературе названия „ящеров“ (рис. 2), но по ряду признаков весьма близких к нашим мамонтам. Описания и воспроизведения их неод-

Рис. 2. а — изображение „ящера“ (по Д. Н. Анучину);
б — медное изображение ящера с р. Колвы (по Д. Н. Анучину).

нократно появлялись в научной литературе, в частности в трудах Ф. А. Теплоухова, Д. Н. Анучина, А. А. Спицина и др.¹

Археологический материал убедительно показывает, что образ „ящера“, как и мамонта, соединял в себе черты нескольких животных, прежде всего медведя, бобра и какого-то рогатого и зубастого зверя с короткими лапами, с коротким и толстым хвостом, состоящим из нескольких отростков, чешуйчатым туловищем и прямо стоящими ушами. Некоторые „ящеры“ интересны тем, что нижняя челюсть их имеет форму загнутого вверх клыка. Таким образом, у людей, делавших подобного рода фигуры, не было ясного представления об облике этих животных: они наделяли

¹ Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Мат. по археолог. вост. губ., т. III, 1899, рис. 35; отчеты Археолог. комисс. за 1895 г., стр. 33, — А. А. Спицин. Шаманские изображения. Зап. Отд. русск. и славянск. археолог. Русск. археолог. общ., т. VIII, в. 1, СПб., 1906, рис. 39, 403 и др. — Ф. А. Теплоухов. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных. Сб. „Пермский край“, т. II, 1893, рис. 7, табл. I.

их то рогом, то крупным клыком, похожим на бивень. (Ср. рис. 35 у Анучина). Можно думать, что поводом для возникновения таких изображений служили, как и в более позднее время, находки бивней мамонта, заставлявшие предполагать о существовании какого-то крупного, но неизвестного зверя. Если это так, то некоторые экземпляры „ящеров“ у народов Приуралья можно рассматривать как разновидность мамонта, в основе которой лежит представление о медведе или бобре. Этим устанавливается некоторая связь современного материала с археологическим. Общие черты можно усмотреть также в том, что „ящера“, как и мамонта, некоторые исследователи относят к числу легендарных подземных животных. Вот что по этому поводу пишет Д. Н. Анучин: „Зверь этот... изображался или в виде отдельных фигур, или в подножии антропоморфных и зверовидных фигур «образков», как бы заменяя собою землю; повидимому он и представлялся живущим в земле... Тем не менее, ящер представлялся все-таки способным к передвижению на себе других, более или менее антропоморфных существ“.¹ При чтении этих строк невольно вспоминаются юкагирские шаманы, рассматривавшие мамонтов как ездовых животных.

Д. Н. Анучин склонен был видеть в пермском „ящере“ образ фантастического животного, сложившийся где-то в тропической зоне Южной Азии и достигший затем нашего Севера посредством культурных связей и влияний.² Нам кажется, что нет достаточных оснований считать этот образ заимствованным из южных, тем более тропических, стран. Если это возможно в отношении дракона, то мало вероятно применительно к ящеру-мамонту. На местной почве, как мы видели, в связи с обильными находками костей и бивней мамонта, совершенно независимо от юга, могли сложиться те представления, которые нашли свое отражение в ряде полуреальных, полуфантастических изображений, восходящих частично или полностью к мамонту.

Дополнения к статье „Мамонт в искусстве народов Сибири“

Языковые данные по термину хэ́л-кэ́л

Г. М. Василевич

Бивни мамонта в эвенкийском языке называются «хэли» («сэли» — в говорах, испытавших влияние фонетики якутского языка). Эти же словом называется и обладатель их, которого эвенки смутно представляют себе в виде огромного рогатого животного, принимая его бивни за рога, называя их иногда «хэли иелин» — рога мамонта. Термин «хэли», повидимому, вошел в якутский язык («хэли-сэли»). В языке кетов мамонт — *tél* (Кастрен). В одном из шаманских мифов говорится: „Забрал мамонт

¹ Д. Н. Анучин. К истории искусства...; стр. 115.

² Там же; стр. 148—149.